

1418

Самоубийство средневековой
демократии

В 1418 г. в Новгороде разразилось очередное восстание: «От грозы тоя страшныя и от возмущенна того великого востряесея весь град». Некий Степанко схватил на улице боярина Данила Божина с криком: «Пособите ми тако на злодея сего!» Собравшиеся новгородцы стали с увлечением бить боярина: «казниша его ранами близ смерти, ...сринуша... с мосту». Еле спасшийся Божин (его вытащил какой-то «рыбник») через несколько дней сам захватил Степанку и стал его пытать. Разборка боярина с одним из «меньших» людей вновь всколыхнула город. Толпа со знаменем-«стягом» двинулась на Козьмодемьянскую улицу, разграбила дом Божина и «иных дворов много». Степанку тут же освободили; но восставшие напали на усадьбы знати, «много разграбиша домов боярских» и Никольский монастырь с криками: «зде житнице боярские». Только вооруженные жители «аристократической» Прусской улицы отбились от нападавших.

По городу загремел набат, «вста страна на страну ратным подобием». С обеих сторон были убитые. Архиепископ с духовенством двинулись крестным ходом на Волховский мост и посреди моста благословляли обе стороны. Срочно прибыли посадник Федор Тимофеевич «с иными посадники и с тысяцкими»; после совещания делегация от духовенства была послана убедить восставших: «да идут в дома своя». Те потребовали от бояр провести следствие. По-видимому, среди самих восставших к этому времени произошел раскол, и волнения прекратились.

Удивить новгородцев волнениями было трудно. Но «восстание Степанки» стало не очередным столкновением городских районов-«концов» во главе со «своими» боярскими группировками. Впервые «сташа чернь с одиной стороны, а с другую бояре и учинися пакости людем много мертвых». Боярская верхушка Новгорода учла урок и скоро установила свое господство: восстание 1418 г. стало последним успехом «черни». Но наступившая «стабильность» означала и конец своеобразной новгородской демократии.

«Господин Великий Новгород»

Устройство средневекового Новгорода окружено дымкой легенд, созданных в более поздние времена. Московские летописи XV—XVI вв. обличали «изменников»-новгородцев, а просвещенная государыня Екатерина II в своих исторических штудиях доказывала несостоятельность новгородского «буйства» и «безначалия». В XIX в. декабристы, напротив, противопоставляли новгородскую «вольность» московскому «деспотизму»; да и наши современники порой судят о новгородских порядках по фильмам на фольклорно-сказочные сюжеты, где народные массы на вече с громким криком принимают решение о войне или мире, а патриот-ремесленник спихивает с вечаевой «трибуны» корыстного и трусливого боярина...

К счастью, о средневековом Новгороде нам известно больше, чем о других древнерусских землях. Север не был затронут татарскими набегами, и здесь лучше сохранились летописи и документы. С 1932 г. в Новгороде постоянно ведутся раскопки, в ходе которых полвека назад было совершено важнейшее открытие — впервые найдены берестяные грамоты, число которых к настоящему времени приближается к тысяче. Эти источники позволяют нам представить иную, по сравнению с большинством южнорусских («низовских», как говорили новгородцы) земель, модель общественного и государственного устройства. При этом надо иметь в виду, что речь идет не просто о городе, но об обширном государстве — «Господине Великом Новгороде», никогда, в отличие от других земель и княжеств, не дробившемся на уделы.

Раздоры между местными племенами (словенами, кривичами и чудью) привели, согласно известному летописному рассказу, к «призванию» князя со стороны в 862 г. Таким образом, государственность на Севере возникла на основе договора. Она была изначально ограничена определенными условиями, которые новгородцы считали законами «отцов и дедов»: князь не имел права распоряжаться государственными доходами и расходами. Столкновения новгородцев с князьями, претендовавшими на расширение своих полномочий, привели к тому, что Ярослав Мудрый был вынужден дать им то, что сейчас мы бы назвали «основными законами» — Русскую Правду.

Современные исследования подтвердили, что Новгород — это действительно относительно «новый город»: он возник из трех поселков

объединившихся славянских и угро-финских племенных союзов в середине X в.; спустя век была построена первая общегородская крепость — Детинец. Возможно, новый центр возник как раз в ответ на усилившуюся власть князя (князя и дружина размещались в IX—X вв. на Рюриковом городище за пределами Новгорода). Скоро княжеская резиденция переместилась на юг, в Киев; но «новый город» на Севере уже окреп и со временем стал главным торговым портом страны. Основанный при истоке Волхова из озера Ильмень город «замкнул» в важнейшей географической точке систему рек ильменского бассейна (Ловать, Мсту, Шелоньы), охватывавшую значительную территорию северной части Руси.

В большинстве учебников приводится известная дата — 1136 г., когда новгородцы изгнали неугодного им князя и стали приглашать князей по своему выбору. Но это событие — только один из этапов на пути оформления социального и государственного устройства Новгорода, которое в основных чертах сложилось в XIII в.

Верховным законодательным органом власти было новгородское вече. Вече — главная загадка новгородской истории: оно десятки и сотни раз упоминается в летописях и актах; но их составители не считали нужным объяснять современникам (им-то это и так было известно), кто и каким образом входил в его состав, каковы были его компетенция и порядок работы. Поэтому потомкам все это до сих пор остается не вполне понятным.

Судя по размеру вечевой площади на Ярославовом дворище около Никольского собора (1200—1500 м²), собрание было относительно небольшим. Там находились «степень» — трибуна для посадников — и скамьи для прочих участников (на вече не стояли, а сидели, как в настоящем парламенте). Такая площадь могла вместить несколько сот человек, но никак не все многотысячное население города. Поэтому одни историки полагают, что вече состояло из бояр — владельцев усадеб; другие считают возможным более широкий состав представительства через систему кончанских вечевых собраний, участниками которых могли быть все свободные жители концов и улиц. Но новгородские крестьяне-«смерды» никогда не участвовали в вечевом управлении — их делом было платить дани и пошлины администрации, строить крепости на рубежах и трудиться в боярских вотчинах.

Главным представителем исполнительной власти в Новгороде был посадник, выбиравшийся только из числа бояр. Однако долгое время

князья также оказывали влияние на политику Новгорода через своих сторонников: в XII в. новгородцы часто меняли князей, но и князья устраняли неугодных посадников, используя противоречия между боярскими кланами.

В 1230 г. Михаил Всеволодович Черниговский посадил в Новгороде князем своего сына Ростислава. Против черниговского князя и его ставленника — посадника Внезда Водовика — выступили сын бывшего посадника Степан Твердиславич и боярин Иванко Тимошинич, которых поддерживал владимиро-суздальский князь, соперник Михаила Черниговского Ярослав Всеволодович. После публичного столкновения (Степан и Иванко «распрелись» с посадником) Иванко был избит людьми посадника и на другой день созвал вече на Водовика. Последний в союзе с бывшим посадником Семеном Борисовичем сумел одержать верх. Прямо на вече был убит боярин Волос Блудкинч, обвиненный в попытке поджога посадничьего дома. Затем убили и бросили в Волхов Иванко Тимошинича, а их сторонник Яким убежал к князю Ярославу Всеволодовичу. Но уже в декабре 1230 г., после того как Водовик уехал с молодым князем в Торжок, «суздальская» группировка победила: новгородцы убили Семена Борисовича, разграбили двор и села Внезда Водовика и его сторонников и вручили посадничество Степану Твердиславичу. После такого «избрания» Степан Твердиславич пригласил на новгородский стол Ярослава Всеволодовича.

Цивилизованной смене власти пришлось долго учиться — посадников порой изгоняли, а то и убивали. Только в XIII в. республиканский строй утвердился окончательно. Отныне посадник стал избираться на год из числа пяти пожизненных кончанских посадников, а взаимоотношения Новгорода с князьями четко регулировались «типовыми» договорами.

В ведении второго лица — новгородского тысяцкого — находились организация ополчения, сбор налогов, торговый суд (нынешний арбитраж). С середины XII столетия в Новгороде избирали (по жребию из числа нескольких претендентов — игуменов окрестных монастырей) кандидата в архиепископы, который затем направлялся

к митрополиту для посвящения в сан. Новгородский архиепископ вершил церковный суд, хранил государственную казну, во время конфликтов мирил враждовавшие стороны и нередко выполнял дипломатические поручения в отношениях с другими княжествами. Он же выступал в качестве своеобразного нотариуса по сделкам с недвижимостью — вотчинами. У каждого из перечисленных должностных лиц был свой аппарат; каждый из них обладал, в рамках своих полномочий, судебной властью. Их судебные права определялись особой Новгородской судной грамотой.

Республика никогда не жила без князя. В меру воинственный и удачливый князь должен был обеспечить независимость государства от покушений со стороны других Рюриковичей и свободу торговых путей из Новгорода на «низ» — в южнорусские земли. Богатая республика имела уязвимое место: лесистые и болотистые северные почвы были неплодородными, и Новгород постоянно нуждался в подвозе хлеба. В случае политических конфликтов князья-противники тут же перекрывали торговые пути, и тогда цены на новгородском рынке взмывали в 5—10, а иногда и в 30 раз. «Резаху люди живые и ядыху, а инии мертвая мяса и трупие обрезающе ядыху, а друзии конину, псину, кошки, а ини же мох ядыху, сосну, кору липову и лист, кто что замысля; а инии паки злии человеци почаша добрых людии дома зажигати, кде чюючи рожь...» — так описывал летописец голодную весну 1231 г. в богатом городе.

Поэтому на новгородском «столе» мог находиться даже князь-ребенок или его представитель-наместник, обозначавший такой союз. В случае необходимости (но далеко не всегда) князь возглавлял объединенное войско новгородцев и своих дружинников. Повседневной же функцией князя в Новгороде был суд, судебные решения скреплялись княжеской печатью. Но судил князь вместе с посадником. Победа 1136 г. на-всегда поставила князей под республиканский контроль. Стандартная формула новгородского «ряда» с князем выглядела так: «А без посадника ти, княже, суда не судити, ни волости раздавати, ни грамот даяти. А без вины мужа волости не лишати». За работу князь получал судебные пошлины и доход с определенной территории, но не становился ее владельцем.

В XIII в. договоры, определявшие отношения князей с Новгородом, имели уже вполне разработанный формуляр (первый из дошедших до нас относится к 1264 г.). При заключении «ряда» князь цело-

вал крест «на всей воли новгородской», обязывался «держати... Новгород по пошлине» (т. е. по старине).

Гарантией соблюдения договора был запрет князю и его слугам приобретать в новгородских владениях земли. К тому же новгородцы были «вольны во князьях», поэтому у них не было одной «законной» княжеской династии. Приглашенный князь ставился в положение высокооплачиваемого чиновника и мог быть в любое время сменен: в случае конфликта ему «указывали путь» из Новгорода. Небольшая княжеская дружина в 300—500 человек ничего не могла поделать с многочисленным городским ополчением и боярскими отрядами.

Истоки такого порядка уходят в глубокую древность, когда родоплеменная верхушка славянских и угро-финских племен возглавила эту «федерацию». Скорее всего, именно ее потомки превратились в наследственных бояр. В отличие от других земель, где боярином становился княжеский советник или дружинник, новгородским боярином нужно было родиться: лишь представители 40—50 родов носили это звание. Археологические раскопки показали, что каждому роду принадлежало по 8—10 городских усадеб (площадью около 2000 м²), на протяжении столетий не менявших своих границ. Такие клановые владения представляли собой мощные комплексы с двухэтажными боярскими хоромами (с балконами, стеклянными окнами и цветными витражами) и хозяйственными постройками, запасами, ремесленными мастерскими, с челядью и прочими зависимыми людьми.

Усадьбы каждого рода группировались в определенном «конце» Новгорода и держали под контролем несколько кварталов с их обитателями. Они составляли городскую опору боярских родов, являвшихся настоящими хозяевами в городе и на подвластных ему территориях. В Неревском конце господствовали Мишиничи и их родичи: Онцифоровичи, Самсоновы, Борецкие; в Славенском — Лошинские, Селезневые, Грузовы, Офонасовы; на Прусской улице — потомки Михалки Степановича. Новгородские бояре не рассредоточивались по своим вотчинам, а сидели в Новгороде — иначе они утратили бы возможность участвовать в борьбе за власть.

В Киеве и прочих землях полюдые осуществляли князь с дружиной; в Новгороде сборщиками дани стали в X—XI вв. местные бояре. Древнейшие известные берестяные грамоты — это записи долгов горожан и крестьян-«смердов», хранившиеся в боярских усадьбах. Так начина-

лось и укреплялось боярское влияние в Новгороде. С XII в. новгородские бояре превращаются в землевладельцев, а через двести лет 90% новгородских земель стали боярскими вотчинами. «Есть в Новгороде знатные сеньоры, которых они называют бояре. Власть этих знатнейших горожан неимоверна, а богатства их неисчислимы: некоторые владеют земельными угодьями протяженностью в двести лье», — такими увидел новгородских «граждан» французский рыцарь Жильбер де Ланнуа в начале XV в.

Только в центре, на давно освоенных землях, боярским фамилиям принадлежало около 80 тысяч гектаров. Там находились примерно 20 тысяч крестьянских хозяйств — в среднем по 500 на каждого владельца. Знаменитой боярыне Марфе Борецкой принадлежало около 1200 дворов, т. е. примерно шесть-семь тысяч крестьян. Не менее богатыми стали новгородские монастыри: Хутынский, Юрьев, Аркажский. Самым богатым землевладельцем являлся «дом святой Софии» — архиепископская кафедра. Огромными были боярские владения на окраинах Новгорода, в его северных лесных колониях.

Вотчинное хозяйство (целые «погосты» в сотни квадратных километров с десятками деревень) и промыслы давали боярам возможность концентрировать в своих руках ценные экспортные товары; из боярских владений поступали сотни пудов воска, десятки тысяч бобровых и беличьих шкур, мед, рыба и «рыбий зуб» (моржовые клыки). До конца XVI в. Новгород был для Руси «окном в Европу» и главным центром торговых связей с западными и северными странами, куда отправлялись воск и меха на кораблях купцов немецкой Гаизы.

Ганза (от средненижнемецкого Hanse — союз, товарищество) — федерация североευропейских городов под руководством Любека, в котором собирались съезды членов этого союза и принимались обязательные для всех решения. В Ганзу входило более 100 городов от Норвегии до Нидерландов (Бремен, Антверпен, Кельн, Гамбург, Брюгге, Берген, Гданьск, Ревель, Рига и другие). Ганзейские купцы со своим флотом в XIV—XV вв. были монополистами в торговле и перевозках на севере Европы: с востока везли зерно, воск и меха; из Швеции вывозили металл. В обратном направлении перевозились сукна, вина, соль, цветные металлы и изделия из них, оружие. Именно через эти города Русь получала необходимые ей

западноевропейские товары. Отношения между Новгородом и ганзейским купечеством регулировались договорами, самый ранний из которых датируется концом XII в.

Немецкий двор в Новгороде пользовался автономией и управлялся «олдерманом» — старшиной, который избирался общим купеческим собранием. Ганзейцы подлежали компетенции новгородских властей только при возникновении тяжб с новгородцами. Они вносили в новгородскую казну только одну проездную пошлину — на пути в Новгород и одну торговую — за взвешивание товаров. При покупке мехов «немцы» имели право осматривать их и требовать к ним наддачи дополнительного количества, не засчитывавшегося в счет купленного меха. При покупке воска ганзейцы могли его «колупать» — откалывать куски для проверки качества, причем отколотые куски также не входили в счет веса купленного воска. Новгородцы же при покупке ганзейских товаров — сукна, соли, сельди, меда, вина — не имели права проверять их качество, взвешивать или измерять.

В обмен на драгоценную новгородскую пушнину шли западноевропейские товары: серебро и золото, бочки дорогого вина, кипы сукна, драгоценности, изысканная утварь, соль, янтарь и полуфабрикаты (цветные металлы). Все это добро поступало на боярские усадьбы, где располагались мастерские ремесленников: бояре предоставляли им не только покровительство, но также сырье и продовольствие; оттуда готовые товары расходились по всей Руси. Убылинного купца Садко был вполне реальный исторический прототип, только это был не купец, а как раз боярин — Садко Сытинич, на свои средства построивший церковь Бориса и Глеба в конце XII в. Церкви рядом со своими усадьбами строили и другие бояре: местные священники поддерживали влияние «своего» боярина на соседей по улице и кварталу.

От демократии - к олигархии

И все же новгородское боярство не было единым. Отдельные кланы, опиравшиеся на свои центры и «концы», соперничали друг с другом,

что в первые столетия существования республики давало возможность «черным людям» заявлять о своих интересах. Вперемежку с боярскими усадьбами на улицах находились двory землевладельцев-небояр («житых людей»), ремесленников, духовенства, купцов. Все это население составляло уличанские общины: «прусов» (Прусской улицы), «витковцев», «кузмодемьян» и собиралось на уличанские вече; свое вече было у каждого «конца»-района. Археологи обнаружили выгороженные и вымощенные участки для таких собраний на перекрестках улиц; там новгородцы во время заседаний дружно грызли орехи, скорлупа которых так и осталась лежать толстым слоем на мостовой.

На них решались, прежде всего, местные дела (мы бы сказали сейчас — «вопросы коммунального хозяйства») — например, не пора ли заново мостить улицу (в Новгороде меняли деревянные мостовые через каждые 20—25 лет, а в XIV в. появились первые водоотводные системы). Помимо включения в уличанские общины, небоярское население Новгорода для участия в ополчении и уплаты налогов разделялось на десять сотен; во главе этого устройства — тысячи — стоял выборный тысяцкий, представлявший интересы непривилегированных граждан.

Во время нередких восстаний «черные люди» оказывали давление на всю боярскую верхушку. Восстание 1207 г. против посадника Дмитра Мирошкинича и его «администрации», введившей новые тяжелые налоги, закончилось победой «черных людей»: «...и села их распродаша и челядь, а сокровища их изыскаша и поимаша бещисла, а избыток розделиша по зубу по 3 гривне, и от того многи разбогатеша». Но даже массовые выступления в Новгороде не приводили к принципиальным изменениям в политическом строе. Возглавляемые боярами городские «концы» постоянно боролись друг с другом; широко использовалась социальная демагогия: в наших бедах виноваты стоящие у власти «плохие» бояре с другого «конца», давайте их скинем и поставим «своих»!

Со временем бояре все больше прибирали к рукам власть в Новгороде. К середине XIV в. они закрепили за собой должность тысяцкого. Борьба за посадничество заставила бояр «расширить» этот орган, а ограничение срока посадничества должно было ослабить борьбу за власть среди боярских группировок. В 1354 г. посадник Онцифор Лукич провел реформу, по которой стали избираться шесть посадни-

ков — пять от каждого из городских «концов» и один главный — «степенной». Создавалась коллегия посадников, представлявших разные боярские группировки и «концы». Таким образом, в поисках стабильности в Новгороде рождается олигархический режим, когда представители замкнутого круга знати открыто становятся полноправными хозяевами республики.

Онцифор был сыном Луки Варфоломеевича, основавшего на Северной Двине крепость Орлец, и внуком посадника Варфоломея Юрьевича. Варфоломей же был сыном посадника Юрия Мишинича и внуком Миши, героя Невской битвы 1240 г. Родовитый боярин начал свою политическую деятельность с руководства восстанием «черных людей» в 1342 г. и был за это из Новгорода изгнан. Впоследствии он вернулся и в 1346 г. одержал во главе новгородского войска победу над шведами на Жабьем поле. С 1350 по 1354 г. он был новгородским посадником, в 1367 г. умер. Найдено его берестяное письмо, адресованное матери; сын дает ряд поручений: «Челобитие к госпоже матери от Онцифора. Вели Нестору рубль скопить да иди к Юрию укладнику, проси его, чтобы купил коня. Да иди с Амвросием к Степану, взяв жеребий, а, может быть, он и рубль возьмет, купи и другого коня. Да проси у Юрия полтину да купи соли с Амвросием. А если он не добудет мехов и серебра до зимнего пути, пошли за ними с Нестором сюда» (Арциховский А. В. Письма Онцифора // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М., 1963. С. 115).

Реформа поначалу не смогла прекратить внутривластных конфликтов. Однако такие выступления постепенно становились все более «отрежиссированными», как, например, в 1359 г.

Степенной посадник Андреян Захарьинич представлял Плотницкий конец. Его противники из самого сильного и влиятельного Славянского конца пришли с оружием на вече, устроили драку и силой смогли навязать свою кандидатуру. В уличных столкновениях «концов» погибло несколько бояр, не говоря уже о многих «невиноватых». В итоге боярин-«славянин» так и не смог захватить власть и попла-

тился своими «селами», которые были разграблены его противниками. Но и боярин Андреян не смог вернуть посадничество, и к власти пришел представитель третьего клана.

Все же, несмотря на издержки, новый способ властвования пришелся боярству по вкусу, и развитие политической системы республики пошло в том же направлении. Следующий этап установления боярской олигархии приходится на начало XV в.: в 1410-х гг. число посадников увеличилось до 18. Реакцией на новые порядки и стало «восстание Степанки», когда «черные люди» били уже не только указанных им «чужих» бояр, а всех представителей правившей верхушки. Но выбор был сделан. К началу 1420-х гг. в Новгороде одновременно существовало уже 24 посадника и шесть тысяцких; к середине XV в. посадников стало 36, т. е. практически каждый боярский клан имел своего представителя в этой властной структуре.

Новгород иногда не вполне корректно сравнивают с вольными западноевропейскими городами-«коммунами». Точнее было бы его сопоставлять с близкой по типу аристократически-купеческой республикой — Венецией. Но Венеция сумела стать одним из самых богатых государств Средневековья и сохранить свою независимость вплоть до конца XVIII в. Новгород же этого сделать не смог — и не только по причине неравенства сил в поединке с Москвой.

В 1171 г. Венеция была разделена на шесть районов. Исходя из такого территориального деления, был образован Большой совет: нобили каждого из шести сестьеров выбирали двоих представителей, каждый из которых, в свою очередь, назначал еще 40 человек. Большой совет состоял из 2500 членов — отпрысков патрицианских родов, из их числа рекрутировалось большинство должностных лиц республики. Основными институтами коммуны являлись: сенат, возглавляемая дожем коллегия и квантия — главный судебный орган по криминальным делам. Выбираемый тайным голосованием Большого совета дож становился пожизненным правителем республики, но его реальная власть ограничивалась сложной системой комиссий и советов, следивших за действиями дожа и друг за другом. С XIII в. элита замкнулась, перестав принимать в свой круг новые, пусть даже весьма богатые фамилии.

Маленькая Венеция долго оставалась одной из сильнейших морских держав Средиземноморья: создала собственный торговый и военный флот, самую совершенную в Европе дипломатическую службу, сеть заморских торговых факторий, развернула собственное уникальное производство (знаменитого венецианского стекла и зеркал). Новгородское же боярство создавало свои богатства за счет экспорта природных богатств и вполне этим удовлетворялось.

Такая «сырьевая» эксплуатация обширных лесных колоний приносила колоссальные доходы боярству, но тормозила развитие передовых, по тому времени, отраслей. Новгородские молодцы-«ушкуйники» могли периодически устраивать дальние экспедиции на Север за пушшиной да еще совершать лихие пиратские набеги на «низовые» города: «Проидоша из Новагорода Волгою из Великого полтораста ушкучев с разбойники новгородскими, и избиша по Волзе множество татар и бесермен и ормен... Новъград Нижний пограбиша... И поидоша в Каму, и проидоша до Болгар», где с успехом «полон христьянский весь попродаша». Однако новгородская торговля целиком зависела от более предприимчивых и технически оснащенных немецких купцов. Товары в Новгород и из него шли на немецких судах, поэтому новгородское купечество не могло соперничать и даже заключать равноправные договоры с ганзейцами, не говоря уж о морской торговой экспансии. Создание собственного флота было затруднено отсутствием морских гаваней.

Раннее участие в управлении облегчило новгородским боярам подчинение свободных «смердов» и горожан, а связи вотчин с городскими хозяйствами-усадебями обеспечили боярству контроль за экономикой и политическое господство. Технический уровень новгородских мастеров был достаточно высоким; однако зависимость купцов и ремесленников (по раскопкам известно уже 150 таких «боярских» мастерских) мешала формированию профессиональных корпораций горожан — цехов, развивавшихся в западноевропейских городах. Эти обстоятельства, помноженные на общие причины слабости русского города, не дали возможности процветавшему и свободному Новгороду стать инновационным центром передовых технологий и форм производства на Руси.

Боярство смогло полностью подчинить своей воле как экономику, так и политические институты Новгорода. Но эта победа как раз и подрывала новгородскую самостоятельность. Еще в XIV в. черному люду

было что защищать в республиканских порядках: сохранялось некоторое влияние горожан на «своих» бояр, а их зависимость от народной поддержки не позволяла резко усиливать налоговый гнет. Установление же после 1418 г. открытой олигархии объединило враждующие кланы, но фактически ликвидировало вечевой строй, а вместе с ним — и желание «черных людей» защищать новгородские порядки. Социальная рознь ослабляла республику — как раз тогда, когда ей пришлось отстаивать независимость.

Конец республики

В отличие от тверских или нижегородских правителей, новгородцы никогда не участвовали в борьбе за гегемонию на Руси. Новгородская элита, как правило, принимала к себе в князья того, кто становился великим князем владимирским, что гарантировало от конфликта с Ордой. Власть любого, даже самого сильного князя была в новгородских владениях ограничена. Боярство получало огромные выгоды от сбыта мехов и транзитной торговли, и его мало интересовали политические события на «низу», если они не задевали новгородских интересов.

Случались порой и столкновения. В 1170 г. под стенами Новгорода стояли дружины владимирского «самовластца» Андрея Боголюбского, в 1387 г. на него двинулись силы почти всей русской земли во главе с Дмитрием Донским, в 1428 г. в новгородские пределы вторглось войско могущественного великого князя литовского Витовта. Но новгородцы держались стойко: «создальцы» князя Андрея потерпели страшное поражение, запечатленное на новгородской иконе «Чудо от иконы Знамение». Когда же противник оказывался сильнее — северяне откупались: выплачивали «черный бор» (одноразовую дань) великому князю Московскому или его литовскому конкуренту.

Но к середине XV в. ситуация в Северо-Восточной Руси принципиально изменилась. Исчезли соперничавшие друг с другом и беспрерывно воевавшие княжества, всегда дававшие новгородцам возможность выбрать удобного партнера. Великое княжение Владимирское прочно закрепили за собой московские князья. С окончанием междоусобной войны московских князей Новгород остался единственной политической структурой, претендовавшей на проведение независимой политики. Должна была настать и его очередь.

Зимой 1456 г. войска великого князя Василия II (1425—1462) провели короткую победоносную кампанию — разгромили новгородское ополчение под Руссой; посадник Михаил Туча угодил в московский плен. В деревеньке Яжелбицы москвичи заключили договор с Новгородом: посадники пообещали признавать московского князя своим сувереном, выплатили ему немалую контрибуцию в 10 тыс. рублей. Но при этом новгородские представители упорно отстаивали «старину»: неприкосновенность боярских вотчин, особое республиканское устройство и невмешательство в него великого князя. Яжелбицкий мир повторил почти без изменений традиционные нормы «докоичаний» между великим князем и новгородскими боярами: «Новгород держати вам в старине, по пошлине, без обиды; а нам, мужем ноугородцем, княжение ваше держати честно и грозно, без обиды. А пошлин ваших, князей великих, не таити, по целованию. А что волостей ноугородцких всех, вам не держати своими мужи, держати мужи ноугородцкими, и дар имати от тех волостей. А без посадника вам, князи, суда не судити, ни волостей роздавати, ни грамот давати... А без вины вам, князи, мужа волости не лишити, ни грамот не посужати...»

Однако в договоре впервые было записано: «Вечным грамотам не быти», — т. е. Москва впервые потребовала ликвидации высшего новгородского органа власти. Как восприняли это требование новгородские послы, неизвестно; однако сохранилось оно только в московском экземпляре Яжелбицкого договора. И все же мир был восстановлен. Победитель и побежденные, как равные договаривающиеся стороны, «целовали крест» — ратифицировали договор, который не собирались долго соблюдать. Для Москвы он стал некоторой передышкой в борьбе за подчинение Новгорода; историкам известны грамоты, выданные от имени веча уже после Яжелбиц.

Судьба Новгорода была решена Иваном III (1462—1505). Новгородцы уже лишились пространства для маневра: обращаться за реальной помощью можно было только к сопернику Москвы — королю Польскому и великому князю Литовскому Казимиру. В 1463 г. к нему отправилось новгородское посольство с жалобой о «возмущении еже на Великий на Новгород Ивана Васильевича». Русская земля стояла на пороге новой войны; но она не началась — очевидно, верх в Новгороде взяли сторонники «худого мира». В 1470 г. на новгородском столе оказался Михаил Олелькович — потомок Ольгерда Литовс-

кого. Его княжение было недолгим, но именно в это время «литовская партия» среди новгородских бояр решительно выступила против Москвы.

Дети покойного посадника Исака Борецкого и его вдова Марфа призвали новгородцев: «Не хотим за великого князя Московского, ни зватися отчиною его. Волныи есмы люди, Великы Новгород, А московский князь велики много обиды и неправду над нами чинит. Но хотим за короля Польского и великого князя Литовского Казимера». Вскоре был заключен договор: «честный король» обязался «всести на конь за Велики Новгород», т. е. лично возглавить польско-литовскую рать. Переход под власть короля означал разрыв не только с Москвой, но и с вековой «старинной» признания прав великих владимирских князей.

Князя из Литвы приходили в Новгород не раз: в 1414 г. здесь княжил Иван Владимирович, дядя Михаила Олельковича; в 1435, 1445 и 1459 гг. — другой его родич, Юрий Семенович, сын Семена Лугвеня, защитника Новгорода от Ливонского ордена. Михаил Олелькович был вассалом и родичем Казимира, но еще и двоюродным братом самого Ивана III. Но теперь приглашение князя «из королевы руки» стало для Москвы удобным предлогом для обвинения новгородцев заодно и в измене, и в склонности к «латинству».

И хотя Михаил уехал из Новгорода весной 1471 г., расплата не замедлила. В мае московские и псковские войска, действуя по согласованному плану, вышли в поход «плenuюще и жгуше, и люди в полон поведуще». Последовали подряд четыре поражения новгородских войск; самое сокрушительное — на реке Шелони, где конница москвичей уложила на поле боя 12 тысяч новгородцев. Военный разгром в 1456 и 1471 гг. был не случайным. На закате Средневековья Новгород не смог создать не только флота, но и современной профессиональной армии — боярской олигархии она была не нужна и даже опасна. Но в борьбе с поместной московской конницей громоздкое городское ополчение оказалось бессильным.

Новгородские послы даже не успели доехать до Казимира, когда все было кончено. Посадник Дмитрий Борецкий, а с ним еще несколько знатных «изменников» были казнены, другой посадник Василий Казимир и 50 «лутчих» новгородцев — отправлены в московские тюрьмы. Зато «мелких людей» великий князь Иван III после побоища «велел отпушати к Новгороду» — он умел быть расчетливо милостивым.

Впервые «Господин Великий Новгород» официально признал себя «отчиной» великого князя, объявившего себя верховной судебной инстанцией в Новгороде.

Спустя несколько лет последовал новый поход великокняжеской рати. Но у богатейшей республики, никогда не знавшей междоусобных войн и татарских набегов, не осталось ни сил, ни воли к сопротивлению, хотя за сто лет до того новгородцам удавалось отбиться от самого Дмитрия Донского и разгромить войско его сына Василия Дмитриевича.

К моменту последнего столкновения с Москвой в республике проявился раскол: «И разделишася людие — инии хотяху за князя (Ивана III), а инии за короля за Литовского». Рядовые новгородцы уже не рвались защищать боярское правление. Сами же бояре так и не смогли выступить в борьбе с грозным противником единым фронтом: одни стремились «заложиться» за Казимира Литовского, другие надеялись на компромисс с Москвой и сохранение своей власти и привилегий в обмен на признание Ивана III «государем».

«Новгородские посадницы (т. е. посадники) и тысяцкие, купцы и житии люди, и мастера всякие, спроста рещи плотшщи и гончары, и прочий, который родився на лошади не бывали, и на мысли которым того не бывало, что руки поднята противу великого князя, всех тех изменници они силою выгнаша; а которым бы не хотети пойти к бою тому, и они сами тех разграбляху и избиваху, а иных в реку Вльхов вметаху», — насмеялся над усилиями бояр-«изменников» организовать сопротивление московский летописец. Но и его новгородские собратья также не смогли скрыть отсутствие единства у сограждан: «И всколебашася аки пьяни, и бяше в них непособица и многие брани, мнози бо велможи бояре перевет имеаху князю великому и того ради не изволиша в единомыслии быта, и всташа чернь на бояр, а бояри на чернь».

В итоге в студеном январе 1478 г. новгородская знать выслушала из уст Ивана III приговор: «Вечю колоколу в отчине нашей в Новгороде не быти. Посаднику не быти. Волостем быти, селом быти, как у нас в Низовской земле». Последним днем республики стало 15 января: московские «дети боярские» и дьяки привели новгородцев к присяге своему государю.

Новгородскую «демократию» не стоит идеализировать: большинство населения города находилось в зависимости от боярских кланов,

а окрестные крестьяне-смерды в политической жизни никак не участвовали. Но в боярской республике была создана сложная система «разделения властей»; население города участвовало (на уровне улиц, сотен, концов) в деятельности местных органов самоуправления. Археологи обнаружили остатки деревянных «палат» суда вместе с массой берестяных грамот о судебных спорах. Рядовые торговцы и ремесленники были грамотными и умели отстаивать свои права. «От Незнанка к Рюре. Собираешься ли платить 6 гривен? Если не собираешься, то поезжай (на суд) в город», — так корректно приглашал новгородец своего оппонента разрешить имущественный спор в начале XIII в.

Это было не худшее «наследство» республиканских порядков. Однако «собрание земель» Москвой «закрыло» новгородский, а затем и псковский «эксперимент» с вечевым «народоправством». После покорения Новгорода Иван III последовательно ликвидировал и саму основу былых «вольностей». В 1480 г. был «пойман» архиепископ Феофил (умер в заточении в кремлевском Чудовом монастыре), а затем в несколько приемов конфискованы десятки тысяч гектаров светских и церковных вотчин. Их владельцы — бояре, «житьи люди», купцы — получили взамен земли в разных уголках Руси: «Жаловал их на Москве, давал поместья, и в Володимере, и в Муроме, и в Новгороде Нижнем, и в Переславле, и в Юрьеве, и в Ростове, и на Костроме и по иным городом; а в Новгород в Великий на их поместья послал московских многих лучших гостей и детей боярских и из иных городов». Расправа с верхушкой новгородского боярства явилась демонстративным нарушением Иваном III данного им в 1478 г. новгородцам обещания не вмешиваться в боярские вотчины и не «выводить» бояр из Новгорода. Последние остатки новгородских прав исчезли после опричного погрома зимой 1570 г.

Подробнее на эту тему:

Алексеев Ю.Г. «К Москве хотим»: Закат боярской республики в Новгороде. Л., 1991.

Лурье Я.С. Две истории Руси XV века. СПб., 1994.

Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962.